

Анатолийский оплот Эрдогана

«Факты – упрямая вещь, говорил Ленин, и турецкие избиратели доказали это», – пишет французская *L'Opinion*, комментируя по горячим следам итоги первого тура президентских выборов в Турции. На момент написания статьи их результат опровергает как прогнозы опросов, так и ожидания медиа и различных европейских столиц относительно вероятного “конца правления” вспыльчивого турецкого “султана” Реджепа Тайипа Эрдогана.

Как это часто случалось в последнее десятилетие, прогнозы политических перемен в Анкаре грешат недооценкой того, насколько правящий 20 лет Эрдоган отвечает «глубоко укоренившимся социальным устремлениям в турецком обществе», как пишет турецкий политолог Ахмет Инсель. И снова анатолийский оплот Партии справедливости и развития (ПСР) приносит Эрдогану его третий президентский срок.

Битва за национал-исламистский электоральный бассейн

Несмотря на относительный спад – потерю около 2 млн голосов по сравнению с результатом 2018 года, – ПСР подтверждает себя в качестве первой политической силы в парламенте с 35 % голосов. А в союзе с Партией националистического движения (ПНД) и двумя исламистскими формированиями Новой партией благоденствия (НПБ) и Партией независимого дела (HÜDA-PAR – курдская консервативная исламская партия) она набирает абсолютное большинство в 323 места из 600. Коалиция из 6 партий, которая поддерживает кандидатуру секретаря Народно-республиканской партии (НРП) – партии Ататюрка – Кемаля Кылычдароглу достигла отметки в 277 мест. В абсолютном выражении правоцентристская коалиция Народный союз получила 26,9 млн голосов против 24,5 млн у оппозиции.

На президентских выборах Эрдоган набрал 49,5 % против 44,9 % у Кылычдароглу, или в абсолютном выражении 27,1 млн голосов, что на 700 тыс. больше, чем в первом туре в 2018 году; 24,6 млн голосов Кылычдароглу представляют собой скачок более чем на 7 млн по сравнению с результатом оппозиционного кандидата в 2018 году. Но тогда НРП, “Хорошая партия” (İYİ) и прокурдская Демократическая партия народов (ДПН) плюс отдельные кандидаты набрали около 22 млн голосов. Таким образом, в этом туре прогресс составил около 2,5 млн голосов, что означает увеличение электората примерно на 4,8 млн.

Часть этих новых голосов, возможно, отошли третьему кандидату – независимому Синану Огану, набравшему 5,2 %, или 2,8 млн голосов. Оган, бывший депутат националистической ПНД и союзник Эрдогана, по мнению аналитика Байрама Бальци, «проделал брешь, образовавшуюся в бассейне протестного электората» – националистического, пантюркистского и ксенофобского толка, – выступив с требованием об высылке около 3,6 млн сирийских беженцев, находящихся в Турции, и использовав таким образом тезисы об «этническом замещении» в ущерб туркам. Если он окажется в положении «кингмейкера», как пишет *Le Monde*, и намерен «монетизировать свой электоральный капитал во втором туре», то договориться с национал-консервативной командой ему будет легче, чем с командой Кылычдароглу, учитывая явно антикурдскую позицию Огана. Бальци пишет, что Оган «начал с нуля и без поддержки» и, с одной стороны, вероятно, помешал Эрдогану победить в первом туре, но с другой – Оган вряд ли может направить более чем на «2–3 % своих избирателей», учитывая, что националистические партии «присутствуют в обоих блоках» (İYİ возникла как откол от ПНД на последних выборах).

Специалистка из Французского института международных отношений (Ifri) по Турции Доротея Шмид считает, что этот раунд продемонстрировал «хорошее функционирование» национал-исламистского альянса, обеспечившего бесперебойное перетекание голосов между ПСР и ПНД, а также в пользу İYİ и Огана, борющихся за один и тот же электоральный бассейн, составляющий большинство избирателей Турции. Шмид

добавляет, что сильный национализм также характеризует и «*турецкую диаспору*» в Европе, которая массово голосует за ПСР. По данным *Bild*, из 1,5 млн турецких избирателей в Германии, в значительной степени мобилизованных через сеть мечетей, курируемых правительством Турции, за Эрдогана проголосовали 65 %, особенно много таких избирателей было в промышленных районах Рура.

Легитимация второго тура

Хотя Киличдароглу и сохраняет «*теоретические шансы*» на победу во втором туре, по мнению аналитиков, если не произойдёт «*неожиданностей*», это будет непростой задачей. В любом случае, поскольку контроль за парламентом наверняка останется за ПСР, это потенциально может привести к политико-институциональному тупику, особенно если на пост премьер-министра будет избран Эрдоган. Во-вторых, как отмечает престижный лондонский мозговой центр Chatham House, «*ПСР и Эрдоган обладают численным и психологическим преимуществом*» над оппозицией, которая помимо голосов Огана должна обеспечить более высокую явку во втором туре и снижение поддержки Эрдогана более чем на 2 процентных пункта.

Участие в первом туре было массовым – 88 %, что на 2 процентных пункта больше, чем в 2018 году. Из 64 млн избирателей 54,7 млн голосов были действительными; количество пустых и незаполненных бюллетеней, а также неподанных голосов, составляет примерно 9,4 млн, что на 100 тыс. больше, чем во время предыдущих выборов.

The Economist, выразивший поддержку Кылычдароглу, считает, что последний находится в «*наихудшем положении*»: для успеха ему потребуются все голоса Огана, что «*кажется маловероятным*». По мнению *Le Figaro*, несмотря на то, что Эрдогана «*лишили плебисцита, о котором он мечтал*» к столетию основания Турецкой республики, у него «*были успехи поважнее: заслуживающие доверия выборы, из которых он бесспорно вышел победителем*». Цифра явки, подчёркивает *Le Figaro*, обеспечивает «*легитимность выборов*», показывая «*относительное предпочтение турецкими избирателями могущества и стабильности, которые обещает Эрдоган*», и эти избиратели снова решили «*предать забвению*» его «*авторитаризм, клиентелизм и угрозы экономической политики*». Эрдоган, в свою очередь, мог бы выбрать более прагматичный подход в отношениях с ЕС и НАТО, которые уж точно не стали бы жаловаться на «*немного более приручённое обновлённой легитимностью*» президентство Анкары.

“Баба Таууір” и “завуалированный феминизм”

Часто пишут, что оппозиция подтвердила свою власть над крупными турецкими мегаполисами Стамбулом, Анкарой и Измиром, но мало подчёркивают, что среди оплотов ПСР есть такие города, как Бурса – крупный промышленный центр к югу от Стамбула, когда-то бывший “красным”, то есть оплотом крайне левой. В районах, пострадавших от разрушительного февральского землетрясения, принёсшего 50 тыс. жертв, падение ПСР на выборах было минимальным, а популярность Эрдогана превышает 50 %.

Для избирателей и избирательниц консервативной Турции Эрдоган – это “Баба Таууір” (отец Тайип), тот, кто раздал дома беднякам и способствовал социальному утверждению конфессионального электората и отчасти женского. *Le Monde* пишет, что отмена запрета на ношение чадры для государственных служащих во имя светскости государства открыла доступ к дипломам и степеням, а также к публичным конкурсам для дочерей и внучек анатолийских крестьян, чья иммиграция в городские центры началась в 1960-е годы. С начала 2000-х годов женская ветвь ПСР продвигала так называемый «*завуалированный феминизм*», используя меры поддержки женщин-иммигрантов в крупных городских центрах в консервативно-религиозном смысле, создавая сети солидарности для доступа к социальному обеспечению. Это модель, которую также использовали египетские “Братья-мусульмане”. В 2018 году доля женщин, проголосовавших за Эрдогана и ПСР, была близка к 60 %.

ПСР олицетворяет собой двадцатилетний цикл развития недвижимости и инфраструктуры в Турции – в крупных турецких мегаполисах, особенно в Стамбуле, партия сопровождала переход от *гесеконду* (трущоб) к социальному жилью, – а также цикл сильного экономического роста. Как пишет *FAZ*, несмотря на то, что руководство Эрдогана нанесло ущерб Турции своей «экономической политикой или политизацией судебной власти», этого недостаточно, чтобы заставить его электорат забыть, что он олицетворяет собой «экономическую модернизацию» страны и «величайшую общественную роль ислама».

По мнению *Handelsblatt*, для описания экономического положения Турции следует использовать больше светотеней, чем это делают на Западе. Несмотря на то, что инфляция в стране самая высокая за последние годы (40 %), а дефицит бюджета в апреле увеличился, «экономика не выглядит близкой к настоящему кризису». Уровень безработицы остаётся стабильным, прибыли компаний-экспортёров растут, а повышение минимальной заработной платы наряду с другими «электоральными подарками» Эрдогана повысили покупательную способность. Пять лет назад, чтобы купить Apple MacBook Air, нужно было потратить семь минимальных месячных зарплат, сегодня – две с половиной. От экономической политики Эрдогана выиграли средние и верхние слои среднего класса, добавляет *Handelsblatt*: любой, кто владеет недвижимостью или землёй, может увидеть, что их стоимость, рассчитанная в долларах, увеличилась в 5 раз за два года.

Лук и авианосец

Кылычдароглу разыграл карту включения этнических и религиозных меньшинств, заявив о своей принадлежности к турецкому меньшинству алевитов, принадлежащих синкретической ветви шиизма. Но он также воспользовался проблемой инфляции, выпустив предвыборное видео, в котором подчеркнул рост цен на лук – важный ингредиент ежедневного потребления. Эрдоган ответил запуском авианосца «Анадолу» и открытием атомной электростанции «Аккую», построенной российским «Росатомом».

По утверждениям французской прессы, у суннитского национал-исламистского электората ссылка на алевизм вызвала раздражение, как и союз с курдскими группами. Но имеет большое значение тот факт, что фигура Эрдогана неотделима от «возвращения авторитета Турции на международной арене, с её дипломатическими и военными действиями». С Эрдоганом, который представляет себя «защитником мусульман и гарантом национальных интересов».

По мнению специалиста по политической истории Турции и России в Софийском университете и члена Atlantic Council Димитара Бечева, хотя Кылычдароглу и считается более прозападным, но «победа Эрдогана не обязательно означает новые трения с ЕС». Предвыборный тур не сопровождался «традиционными обвинениями» в адрес ЕС и Запада. Бечев также добавляет, что Анкаре понадобятся «потoki европейского капитала, чтобы возобновить соглашение о беженцах и поддержать восстановление». Брюссель, в свою очередь, «рассчитывает на Эрдогана в том, что он будет держать под контролем миграционные потоки и выступить посредником на Украине». Это более чем отголосок немецких позиций. По данным *L'Opinion*, в Берлине, как и в других европейских столицах, подчёркивают необходимость «перезапуска отношений с Турцией, даже если Эрдоган останется у власти». И газета считает, что это «голос разума», которого до сих пор не слышно в Елисейском дворце. Если Макрон «хочет, чтобы Франция была державой равновесия», ему придётся принять «более сбалансированный подход к Эрдогану, пользующемуся доверием своего электората».

При ближайшем рассмотрении это не что иное, как прагматичная линия, которую в отношении вспыльчивых турецких «раисов» – сколь угодно левантийских, но по-своему не лишённых реализма – всегда занимал Берлин.

Май 2023 г.